

УДК 1(091)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Т. А. Шиян

Фонд «Центр гуманитарных исследований»
taras_a_shiyan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема возникновения философии как проблема описания иной и иновременной культуры. Во втором разделе автор рассматривает основные гипотезы и версии возникновения философии. В третьем разделе автор обращается к таким историко-культурным оппозициям и методологическим терминам, как презентизм и антикваризм, апроприационизм и историзм (контекстуализм), анахронизм, культурный империализм, гипостазирование, проблема креативности терминов и др. В связи с ними автор формулирует основную проблему описания и исследования иных и иновременных культур. Автор показывает, что оппозиция «презентизм – аутентизм» является более адекватной для фиксации описанной методологической проблемы. В четвертом разделе проводится разработка этой проблемы и путей ее решения через различение языка описания исследуемой культуры и языка ее самоописания. Поднимаются логические и логико-методологические проблемы различения метаязыка и объектного языка, теоретических и эмпирических терминов. Проводятся различия эмпирического слоя (эмпирических терминов, высказываний, фактов) и теоретического слоя в языке предметной культуры (языке ее самоописания) и в языке описания этой культуры внешним исследователем. В пятом разделе гипотезы возникновения философии анализируются с точки зрения разработанной во втором и третьем разделах методологии.

Ключевые слова: методология истории философии, методология культурологии, возникновение философии, язык описания, объектный язык, язык самоописания, аутентизм, антикваризм.

Для цитирования: Шиян, Т. А. (2025). Возникновение философии как проблема исследования культуры. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 99-116. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.99-116

THE EMERGENCE OF PHILOSOPHY AS A PROBLEM OF CULTURE STUDIES

T. A. Shiyan

“The Center for Humanitarian Research” Foundation
taras_a_shiyan@mail.ru

Abstract. This paper deals with the emergence of philosophy as a problem of describing a different culture and an alien culture. In the second section, the author considers the main hypotheses and versions of the origin of philosophy. In the third section, the author addresses such historical and cultural oppositions and methodological terms as presentism and antiquarism, appropriationism and historicism (contextualism), anachronism, cultural imperialism, hypostatization, the problem of terms creativity, etc. In this regard, the author formulates the fundamental problem of describing and studying different and alien cultures. The author shows that the opposition “presentism – authenticity” is more adequate for capturing the described methodological problem. In the fourth section, this problem and ways of solving it are analyzed through distinguishing the language of description of the culture under consideration and the language of its self-description. The author poses the logical and logical-methodological problems of distinguishing between metalanguage and object-language, theoretical and empirical terms are raised. The author makes a distinction between the empirical layer (empirical terms, statements, facts) and the theoretical layer in the language of the subject culture (the language of its self-description) and in the language of description of this culture by an external researcher. In the fifth section, the author analyzes the hypotheses of the emergence of philosophy from the point of view of the methodology devised in the second and third sections.

Keywords: methodology of the history of philosophy, methodology of cultural studies, emergence of philosophy, language of description, object language, language of self-description, authenticity, antiquarism.

For citation: Shiyani, T. A. (2025). The Emergence of Philosophy as a Problem of Culture Studies. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 99-116. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.99-116

1. Введение

В современной философии циркулируют достаточно много представлений о возникновении философии. При этом многие авторы принимают ту или иную версию только потому, что, с их точки зрения, так принято, т. е. психологически и социально удобно. Такие традиционалистские взгляды не являются собственно философскими, хотя и выдаются за таковые. Философский подход требует предварительной явной фиксации собственных онтологических и гносеологических установок, в зависимости от которых уже и будет осуществляться анализ и решение исследуемой проблематики.

Проблема возникновения философии зависит от целого ряда философских проблем гносеологического и онтологического плана. В первую очередь, это проблема поиска определения философии, первым шагом которого является выяснение способа существования философии (т. е. выбор «рода», от которого будет строиться определение философии). Иными словами, речь идет о принятии некоторой социальной онтологии и указания, к какому типу культурно-социальных объектов (явлений, структур и т. п.) принадлежит философия. С такой точки зрения возникновение философии рассматривается в статье «К проблеме институционального формирования философии» [Шиян, 2024].

В данной работе я начну с обзора различных гипотез возникновения философии, их версий и вариантов. После чего рассмотрю их с точки зрения исследования культуры, предварив этот анализ рассмотрением основной, на мой взгляд, гносеологической проблемы изучения культуры. Как становится видно по ходу рассмотрения, онтологическая проблематика возникает и при таком гносеологическом подходе.

2. Гипотезы о возникновении философии

Рассмотрим основные гипотезы возникновения философии, их частные варианты и версии. Базовых гипотез возникновения философии две: *полицентрическая* и *моноцентрическая*, или греческая.

В рамках **полицентрической гипотезы** можно выделить следующие версии. **Варварская версия** в явном виде была сообщена Диогеном Лаэртским в его «Жизнеописаниях» (далее – DL; ссылки даются по [Диоген Лаэртский, 1986]). В вводной части первой книги (DL, I, 1) он сообщает, что «Занятия философией, как некоторые полагают, начались впервые у варваров: а именно у персов были их маги, у вавилонян и ассирийян – халдеи, у индийцев – гимнософисты, у кельтов и галлов – так называемые друиды и семнофеи <...>; финикийцем был Ох, фракийцем – Замолксис, ливийцем – Атлант. Египтяне уверяют, что начинателем философии, хранимой жрецами и пророками,

был Гефест, сын Нила» [Диоген Лаэртский 1986, с. 55]. К этой позиции примыкает и Исократ в «Бусирисе» (28) [см. русское издание: Исократ, 2013]: «Пифагор из Самоса ... прибывши в Египет и став их [египтян] учеником, первым ввел в Элладу философию вообще и в особенности отличился рвением, с которым подвизался в науке о жертвоприношениях и торжественных богослужениях, совершаемых в храмах» – 14 (Пифагор) Fr. 4 по изданию [Diels, Kranz, 1951-1952], далее – DK [цит. по: Фрагменты ранних греческих философов ..., 1989, с. 140]. Хотя и не понятно, можно ли **версию Исократа (египетско-исократовскую версию)** относить к полицентрической гипотезе, или же это особый, негреческий вариант моноцентрической гипотезы. Сам Диоген варварскую версию отвергает, считая «изобретателями» философии греков.

Интересный современный вариант полицентрической гипотезы представляет **концепция «осевого времени»** Карла Ясперса (для краткости – **версия Ясперса**). Согласно концепции Ясперса, в Старом Свете существуют три культурных центра, в которых независимо друг от друга и примерно в одно и то же время возник новый тип интеллектуальной жизни, соотносимый им с философией: «В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-Цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-Цзы, Чжуан-Цзы, Ле-Цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исаяя, Иеремия и Второисаяя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга» [Ясперс, 1991, с. 32-33]. Ясперс выделяет три центра: Китай, Индию и Западный регион, в рамках которого он говорит также о трех субрегионах: Иране, Палестине и Греции. В выделении этих, по сути, пяти регионов Ясперс ссылается на Дао-дэ-цзин Лао-Цзы [см.: Lasulx, 1952, р. 137; Ясперс, 1991, с. 39]. Похожие взгляды излагал также А. Вебер [см.: Weber, 1935, р. 7; прим. 12 в: Ясперс, 1991, с. 282-283]. При этом нередко при перечислении представителей национальных традиций Ясперс применяет слово «философы» только по отношению к грекам, остальных предпочитая называть при помощи иной лексики.

Третья версия может быть названа **версией учебников**, поскольку в большинстве современных учебников при всех различиях в трактовке и диспропорциях объемов, отводимых на изложение этих тем, помимо греческой философии даются краткие очерки китайской и индийской интеллектуальных традиций, соотносимых с философией. То есть ее можно рассматривать как некоторый консервативный вариант версии Ясперса, в которой западный центр сведен к Греции. Или, возможно, наоборот, версия Ясперса является расширением версии учебников.

Моноцентрическую гипотезу возникновения философии можно считать тождественной *греческой гипотезе*, поскольку серьезных конкурентов у Греции в качестве единственного центра формирования философии нет (если не считать соответствующей трактовки версии Исократа). В рамках **греческой гипотезы** возникновения философии можно выделить три частных, региональных гипотезы: ионийскую, итальянскую и афинскую (аттическую).

Ионийская гипотеза фактически принимается Диогеном Лаэртским в его «Жизнеописаниях» (DL, I, 13): «Философия же имела два начала: одно – от Анаксимандра, а другое – от Пифагора; Анаксимандр учился у Фалеса, а наставником Пифагора был Ферекид. Первая философия называется ионийской, потому что учитель Анаксимандра Фалес был ионийцем, как уроженец Милета; вторая называется италийской, потому что Пифагор *занимался ею* (курсив мой – Т. Ш.) главным образом в Италии» [Диоген Лаэртский, 1986, с. 58]. Эта же версия возникновения древнегреческой философии традиционно излагается в учебниках с поправкой на начало милетской школы с Фалеса, а не с Анаксимандра. Фалес формально исключается Диогеном из числа философов, видимо, в силу его отнесения к «семи греческим мудрецам». Данная гипотеза может быть названа моноцентрической и ионийской, поскольку родоначальник второй ветви родился и вырос в Ионии (на о. Самос). То же касается и Ксенофана из Колофона, которого иногда называют основателем элейской школы. Таким образом, речь идет о переносе философии (или чего-то, принимаемого Диогеном за философию) из Ионии в Великую Грецию (совр. Италию). На это указывает и сам Диоген, поясняя название италийской ветви тем, что Пифагор в Италии лишь «занимался ею».

Италийская гипотеза может называться пифагорейской, но я это название зарезервирую для ее особой версии. Поскольку до создавшего философию Пифагора, согласно этой гипотезе, философии в Греции не существовало, а Пифагор прославился как философ и учитель философии именно в Италии, то эту гипотезу я и называю италийской. В рамках италийской гипотезы можно выделить два варианта, опирающихся на разную аргументацию в пользу пифагоровских истоков философии.

Первый вариант италийской гипотезы я связываю с **пифагоровской гипотезой**, опирающейся на **пифагорейскую легенду**, восходящую к Гераклиду Понтийскому (диалогу «О бездыханной») и, вероятно, к платоновскому окружению в целом. Согласно этой легенде (DL, I, 12): «Философию философией, а себя философом впервые стал называть Пифагор, когда спорил в Сикионе с Леонтом, тираном Сикиона или Флиунта (как пишет Гераклид Понтийский в книге “О бездыханной женщине”); мудрецом же, по его словам, может быть только бог, а не человек. Ибо преждевременно было бы философию называть “мудростью”, а упражняющегося в ней – “мудрецом”, как если бы он изострил уже свой дух до предела; а философ – это просто тот, кто испытывает влечение к мудрости» [Диоген Лаэртский, с. 58]. Критическому разбору связанных с пифагорейской легендой источников и их зависимости от круга Платона посвящена статья [Буркерт, 2017].

Вторую версию италийской гипотезы можно назвать **институциональной** или школьной **версией**. Она опирается не на пифагорейскую легенду, а на факт, что именно о Пифагоре мы впервые узнаем, что он преподает. Причем, поскольку, во-первых, он преподает по поручению полиса Кротон, а, во-вторых, занимается этим в качестве жреца Муз (или попечителя, основанного в Кратоне по его совету Мусейона) [Фролов и др., 2002, с. 188-189], то можно говорить о начавшейся с Пифагора институционализации преподавания «мудрости». Эту трактовку высказывает Ю. А. Шичалин в монографии «История античного платонизма в институциональном аспекте» [Шичалин, 2000, с. 45, 116-123].

Третий вариант моноцентрической гипотезы – **афинская** (аттическая) **гипотеза**, говорящая о возникновении философии в Афинах на территории Аттики. В ней можно выделить такие варианты, как: сократо-платоновский, сократовский и платоновский. Все они

связаны с критикой пифагорейской легенды. Принятие одного из них в конечном итоге зависит от отношения к Сократу как персонажу платоновских диалогов. **Сократическая версия** основана на наивном отношении к диалогам как историческим свидетельствам о жизни и учении Сократа. **Сократо-платоновская версия** основана на отказе от решения проблемы Платона как источника сведений о Сократе. **Платоновская версия** связана с отнесением возникновения слов «философия» и «философ» к эпохе Платона и, таким образом, фальсификации существенной части платоновских сведений о Сократе.

По мнению В. Дильтея, В. Буркерта, П. Адо, с которыми я согласен, пифагорейская легенда является проекцией платоновских представлений о философии на Пифагора. К этой же трактовке, насколько я понимаю, склоняется Ю. А. Шичалин, хотя и делает акцент на институциональных корнях философии в среде пифагорейцев. При этом Дильтей придерживается как раз сократо-платоновской неопределенности [Дильтей, 2001, с. 23]. Адо, в силу понимания философии как деятельности, базирующейся на этической практике, делает некоторый акцент на Сократе и его «практике себя», но в отношении к пифагорейской легенде он, ссылаясь на Буркерта, принимает его платонистическую трактовку.

Мой вариант **платоновской гипотезы** [подробнее см.: Шиян, 2024] состоит в том, что философия как социальный институт (как институционализированная область, сфера деятельности, социальной жизни) формируется в Афинах в первой половине IV в. до н.э. в ходе полемики философских (по самоназванию) школ Исократ и Платона. Конкуренция и возникающая в силу этого публичная полемика между школами Исократ и Платона выводят их внутришкольные дискурсы о философии в публичную, внешкольную область, формируя надшкольный дискурс о философии, вслед за этим создавая философию как надшкольную область деятельности.

Поэтому платоновскую версию институционального становления философии можно называть также исократо-платоновской. С другой стороны, если говорить только об изобретении и введении в оборот слов «философ» и «философия», то нужно говорить для каждого из них отдельно об «исократовской» и «платоновской» версиях. А, возможно, еще и о горгиевских или горгианских версиях (я склоняюсь к гипотезе, что слово «философ» появляется впервые в кругу Горгия из Леонтины и его учеников, к числу которых относился и Исократ).

3. Проблема познания и описания иных и иновременных культур

Проблема возникновения философии – одна из проблем описания других культур. Как бы ни решать эту проблему, речь идет о культуре древности (середина или вторая половина I тыс. до н.э.). Кроме того, для большинства исследователей речь идет об исследовании также и цивилизационно другой культуры. Следовательно, для решения проблемы возникновения философии необходимо предварительно сформулировать подход, применяемый исследователем для изучения соответствующей культуры (культур).

Рассмотрим центральную проблему, встающую при описании явлений иных и/или иновременных культур. В литературе встречается ряд вариантов описания этой проблемы и возникающих в связи с ней ошибок.

Первый вариант описания этой проблемы появился в рамках отечественной истории науки в форме **оппозиции презентизма и антикваризма**. Согласно Н. И. Кузнецовой [Кузнецова, 2009, с. 164–165], данная оппозиция была предложена отечественным психологом и историком психологии М. Г. Ярошевским в 1973 г. на конференции ВИИЕТ АН СССР (ныне – ИИЕТ РАН), посвященной проблемам методологии историко-научных исследований. При этом Ярошевский утверждал, что эта терминология стихийно сложилась ранее и он лишь озвучивает ее. В трактовке Кузнецовой сторонники презентизма «оценивают историческое событие науки только с точки зрения современного уровня научного знания», тогда как сторонники антикваризма «ставят целью восстановить событие в его исторической подлинности и уникальности» [Кузнецова, с. 165]. В силу универалистской трактовки науки, для ее истории существует лишь линия «настоящее – прошлое», которую и фиксирует данная терминология.

Второй вариант описания данной проблемы активно используется Новосибирской школой аналитической истории философии. Участники этой школы осмысливают данную проблему через **оппозицию апроприационизма (присваивающего подхода) и историзма (контекстуализма)**. Например, в статье М. Н. Вольф: «Эта проблема постоянно возникает в споре двух методологических подходов – контекстуалистов, настаивающих на том, что история философии должна оставаться в пределах того языка и тех исторических реалий, в которых создавались соответствующие тексты, и сторонников присваивающего подхода, которые убеждены в том, что идеи прошлого следует апроприировать и встраивать в современные дискуссии» [Вольф, 2017, с. 244]. Годом ранее в совместной статье М. Н. Вольф с А. В. Косаревым авторы писали: «На сегодняшний день в истории философии оформились два противостоящих друг другу подхода. Один – “антикварный” контекстуализм, или “просто история”, не интересующаяся целями современной философии, но продолжающая держаться принципов историзма. <...> Другой – апроприационизм, “присваивающий” подход, полагающий, что история философии гарантирует источник идей и аргументов для современной философии» [Вольф, Косарев, 2016, с. 228]. Надо сказать, что авторы понимают недостатки апроприационизма: «Это оставляет мало от самой истории философии <...> Апроприационисты зачастую не заинтересованы в полной и достоверной картине прошлого, в адекватном понимании доктрин. Им важно только, каким образом эти доктрины могут помочь в разрешении или как минимум в оформлении (или даже служить обрамлением) современных философских доктрин. Доктрины и методы переносятся в современность в таком виде, что зачастую полностью утрачивают собственный контекст и содержание, в лучшем случае сохраняя только некоторые из присущих им черт» [Вольф, Косарев 2016, с. 228]. Среди представителей этой же школы можно также упомянуть И.В. Берестова, в чьей докторской диссертации (защищена в 2023 г.) «Аргументация Парменида против множественности сущего в свете древнегреческих и современных концептуализаций» также поднимается тема различия подходов апроприационизма (к которому автор, как и все представители школы, относит себя) и историзма (контекстуализма): «Среди таких споров о наиболее общих методологических вопросах истории философии важное место занимает спор между контекстуалистами и апроприационистами, идущий, по большей части, среди англоязычных историков философии с 60-х годов прошлого века. Контекстуалисты (к числу которых можно отнести Р. Рорти, Р. Козелика, Дж. Поккока, Кв. Скиннера, М. Бивира), являющиеся современными

наследниками историцистов (к последним относят, например, Леопольда фон Ранке и Р. Коллингвуда) и разделяющие бóльшую часть историцистских подходов, требуют трактовать рассматриваемый текст через тщательное изучение ближайшего его контекста (в том числе социального, культурного и проч.). Апроприационисты (к числу которых можно отнести современных исследователей Дж. Пассмора и Дж. Беннетта, во многом являющихся наследниками таких представителей Оксфордской школы реализма, как С. Александер, Г. Причард, Б. Рассел), со своей стороны, требуют трактовать тексты древних философов так, чтобы их можно было встраивать в современные философские дискуссии, – и любые исследования, в том числе изучение контекста, должны проводиться только ради этой цели. Использование при интерпретации древних текстов современного концептуального аппарата и технических средств приветствуется апроприационистами, но неприемлемо для контекстуалистов» [Берестов, 2021, с. 7-8].

Безусловно, древние тексты могут служить современным философам источником вдохновения. Безусловно, что оценка с точки зрения современности прежних концепций является неотъемлемой частью их историко-философского и историко-научного анализа. Но, безусловно также, что любой исследователь (и философ, и ученый) должен максимально точно и полно фиксировать собственную исследовательскую, методологическую позицию. Исследователю необходимо отличать *исторические реконструкции* исследуемой культуры от собственных *теоретических конструкций*. В логике хорошо известна **проблема креативности определений**: формулирование в рамках некоторой теории определения нового термина может привести к изменению самой теории: появлению в ней нового класса объектов. Поэтому выделение в теории некоторого нового класса объектов (путем добавления соответствующего определения) должно предваряться исследованием, не является ли данный мыслимый класс пустым (существует ли в исходной теории хотя бы один объект описываемого вида). Если от такого подспудного расширения предметной области не застрахованы даже математизированные формальные теории, то тем более эта опасность грозит неформализованным областям исследования. Только технически в данном случае правильнее говорить не о расширении предметной области, а о появлении в ней фиктивных объектов.

И презентизм, и апроприационизм, и введение объектов исследования догматически, через определение грозят исследователю систематической ошибкой **анахронизма**, т. е. отнесением явления одной эпохи к другой эпохе, в которую этого явления еще или уже не существовало. К сожалению, и антикваризм-историзм-контекстуализм не застрахован от таких ошибок, они лишь не программируются в качестве систематических. При этом возможен не только презентистский анахронизм, т. е. проекция современным автором представлений своей эпохи на какую-либо эпоху древности. С точки зрения современного сторонника афинской гипотезы возникновения философии, Диоген Лаэртский допускает анахронизм, и принимая ионийскую версию возникновения философии, и излагая италийскую версию в форме пифагорейской гипотезы. То есть оппозиция «антикваризм – презентизм» учитывает не все возможные случаи ошибки временного переноса изучаемых явлений из одной эпохи в другую.

Но и принятие анахронизма в качестве основной ошибки, искажающей создаваемую исследователем картину изучаемой культуры, не ухватывает сути дела. Точно такая же проблема проецирования имеет место и при изучении и описании современных

исследователю культур, даже некоторых субкультур собственной культуры. Пример такого искаженного описания иных, но современных культур как инструмента геополитических манипуляций описывают П. Бурдые и Л. Вакан под названием **культурного империализма**¹:

- «В основе культурного империализма лежит способность к универсализации частных, связанных с конкретной исторической традицией, через недопущение того, чтобы эта связь признавалась».

- «Сегодня множество тем, берущих свое начало в интеллектуальных конфронтациях, относящихся к социальной партикулярности американского общества и американских университетов, навязывается, в явно деисторизированной форме, всей планете».

- «Нейтрализация исторического контекста, порождаемая международной циркуляцией текстов и коррелирующим с ней забвением исторических условий их возникновения, обеспечивает явную универсализацию, которой также способствует работа “теоретизирования”».

- «Распространенные по всей планете посредством этого “отрыва от почвы”, или “глобализированные” в строго географическом смысле, и в то же время де-партикуляризованные через этот ложный разрыв, вызываемый концептуализацией, общие места <...> в конце концов заставляют забыть о том, что они укоренены в сложной и противоречивой реальности конкретного исторического общества, молчаливо представляемого как модель для всех остальных и как мера всех вещей».

Авторы статьи также упоминают и затронутую выше проблему создания мнимых объектов через введение новых терминов, которые, будучи пустыми, подаются как непустые.

В принципе, во всех рассмотренных случаях имеется опасность **гипостазирования** – полагания собственных представлений (не важно, усвоенных ли из своей культуры или порожденных личной фантазией) в качестве реально существующих в предметной области исследования. Но здесь мы уже выходим за пределы ошибок исследования культуры, ибо термин «гипостазирование» имеет более широкое значение и относится к проблематике связи гносеологического и онтологического в целом.

Во всех рассмотренных случаях речь идет о вариантах классической оппозиции субъекта и объекта, где субъект из своего «здесь и теперь» исследует и описывает некоторое инокультурное и/или иновременное (и в этом смысле также инокультурное) «там и тогда». При таком взгляде здесь всплывает вся традиционная проблематика описания внешнего мира и критериев истинности. Но есть здесь и специфика. Если, описывая физическую или химическую реальность, мы соотносим с ней слова и смыслы, в ней в принципе отсутствующие, то, описывая другую культуру, мы имеем дело с объектом уже самоописанным, самоистолкованным (хотя в некоторых случаях мы и имеем право говорить о ложном самоописании). Поэтому мы можем и должны строить собственный анализ и описание другой культуры, опираясь на ее самописание. В этом требовании имеется и серьезная онтологическая подоплека, поскольку социальные объекты существуют только постольку, поскольку представители исследуемого сообщества (носители культуры) осознают эти объекты в качестве существующих.

¹ Бурдые, П., Вакан, Л. (2011). О хитрости империалистского разума. [Электронный ресурс]. *Censura. Политика концепта*. URL: <https://censura.ru/articles/rusedimperialism.htm> (дата обращения: 15.11.2024).

Не смотря на наличие многих подходов к анализу и концептуализации рассмотренной здесь проблематики, хорошей терминологии пока не выработано. Я предлагаю следующее улучшение терминологии. Для обозначения одной стороны оппозиции можно оставить слово «презентизм», если понимать его как указывающее не только на «теперь», но и на «здесь» исследователя, как маркер позиции исследователя не только при исторических, но и при культурологических исследованиях. Термин «апроприационизм» представляется мне неприемлемым как в силу его языкового безвкусыя, так и узости связываемого с ним содержания – только один из возможных мотивов приятия презентизма). Слово «антикваризм» для обозначения противоположного подхода мне также представляется неподходящим. Основной недостаток – однозначное указание на прошлое (лат. *antiquarius* – касающийся древности), тогда как проблема искажающей проекции исследовательских представлений на исследуемый объект имеет место и при исследовании иных современных исследователю культур. На мой вкус, термины «историзм» и «контекстуализм» более приемлемы, но, как справедливо указал Берестов в приведенной выше обширной цитате [Берестов, 2021, с. 7-8], с каждым из них связаны собственные специфические традиции. Мне кажется, что подошел бы термин «аутентизм», указывающий на исследовательскую установку получения максимально аутентичного образа исследуемого инокультурного явления, не зависимо от его предполагаемого существования в современности или в прошлом исследователя. Такой подход требует опоры на самоописание исследуемой культуры и постоянной проверки рассматриваемых объектов на существование. Таким образом, в качестве скорректированного варианта вышеописанных оппозиций я предлагаю оппозицию аутентизма и презентизма, где **аутентизм** (историзм, контекстуализм) – описание иной (иновременной) культуры на ее собственном «языке», выявление культурных, общественных и т. п. явлений, существующих в предметной культуре для ее носителей, а **презентизм** – проецирование собственных представлений, представлений собственной культуры на иные (иновременные) исследуемые культуры.

4. Методологическое различие «языков»

Подход к объекту через построение его определения (гносеологическая задача) в качестве первого действия имеет необходимость выяснения и постулирования онтологического статуса этого объекта [см., напр.: Шиян, 2018; Шиян, 2024]. Аналогично, задачи описания явлений иной или иновременной культуры и предварительного прояснения своей исследовательской позиции (задачи также гносеологические) поднимают комплекс онтологических вопросов о существовании в предметной культуре предполагаемых в ней явлений. В данном параграфе я собираюсь обсудить проблему презентизма / аутентизма не как ментальную (осознанности и оправданности проецирования исследователем собственных представлений на свой объект), а как проблему описания, которая ставилась и обсуждалась в философии науки и логике как проблема *языков* описания. Проблема эта начала обсуждаться в логике и логической методологии в ходе математической революции в логике в нач. XX в. (точнее, в ходе активного становления современной логики в период между I и II Мировыми войнами в 20-е – 30-е гг.).

Представитель Львовско-Варшавской философской школы А. Тарский, впервые начав строить и исследовать вопросы логической семантики формально-логическими методами, для строгой формулировки классической концепции истины и проведения иных семантических исследований провел различие между **объектным языком** (семантические свойства которого исследуются) и **метаязыком** (языком исследователя, на котором тот описывает объектный язык). Необходимость такого разделения стало очевидной, поскольку в семантических исследованиях Тарского оба языка являются формально-математическими системами. С тех пор данное различие жестко соблюдается, в том числе и в случаях, когда в качестве метаязыка выступает какой-либо естественный язык. В частности, такое различие должно оберегать от парадоксов самореференции.

Фактически такое различие неявно было заложено уже в теории типов Б. Рассела и А. Н. Уайтхеда, чья «Principia mathematica» (в 3-х т.: 1910, 1912, 1913)² дала толчок математической революции в логике после окончания I Мировой войны. Согласно этой теории, множество имеет тип на единицу больший, чем наибольший из типов его элементов. Или иначе, предикат (свойство или отношение) имеет тип на единицу больший, чем наибольший из типов его возможных аргументов. Второй вариант ближе к обсуждаемой теме и неформально может быть сформулирован так: для описания любого семиотического объекта необходимо иметь знаковые средства более высокого уровня.

Возвращаясь к различению Тарского, специально отмечу, что его знаменитое определение истинности: «Предложение «Снег бел» истинно, если и только если снег бел», – имеет смысл только в том случае, если оно является предложением метаязыка (языка описания), а внутреннее предложение «Снег бел» (взятое мной в кавычки-лапки) – предложение объектного (предметного, описываемого) языка или специальной части метаязыка, предназначенной для однозначной передачи знаков объектного языка (тогда закавычивание внутреннего предложения не нужно).

Замечу, что только в случае формальных построений речь может идти о надстраивании нового языка (метаязыка) над некоторым уже имеющимся. В случае же естественного языка речь идет о различении уровней полагания внутри речи на одном и том же языке, т. е. об отслеживании, когда речь используется как объектный язык, а когда как метаязык. Соответственно, при исследовании иных и иновременных культур для избежания проблем креативности определений и создания фиктивных объектов необходимо четкое различие языка описания, используемого исследователем, и языка самоописания предметной культуры, предоставляющего исследователю доступ к реалиям этой культуры и являющегося минимальной гарантией существования в предметной культуре полагаемых в ней явлений и социальных структур. Пример Тарского указывает еще на одну важную характеристику языка описания: *он должен включать в себя специальные семиотические средства для аутентичного писания реалий предметной культуры (специальную терминологию, понятийный аппарат и иные средства)*. В качестве таких специальных средств могут выступать либо напрямую лексика языка предметной культуры (и иные знаковые средства из нее), либо специально построенный аппарат языка описания, представляющий в этом языке знаковые средства предметной культуры. Такой аппарат обычно формируется путем транслитерации средствами родного или латинского алфавитов, транскрипции,

² Имеется русский перевод [Уайтхед, Рассел, 2005-2006].

калькирования или перевода соответствующих лексических средств предметной культуры. Например, в случае философии это могут быть слова и выражения «φιλοσοφία», «philosophia», «философия», «любомудрие», «мудролюбие», «любовь к мудрости» и т. п.

Впрочем, использование такой «предметно ориентированной» лексики не гарантирует безопасности от ошибок презентизма. Например, хотя слово «φιλοσοφία» и «φιλόσοφος» являются терминами греков, выработанными для описания некоторых реалий своей культуры, с точки зрения афинской гипотезы возникновения философии, ко времени Диогена Лаэртского греки успели осуществить презентистские переносы, проекции представлений о философии как на свое доплатоновское прошлое (концепция двух ветвей греческой философии), так и на другие культуры (варварская версия полицентрической гипотезы). Другой пример – греческий полис (πόλις), существовавший как особый тип общественно-государственного устройства лишь некоторый период греческой истории. Соответственно, как не передавай этот термин («город», «город-государство», «республика»), он соответствует реалиям только определенного периода в истории древнегреческой культуры (по некоторым взглядам, примерно с VIII–VI вв. до н. э. и до эпохи эллинизма) и его применение к общественно-политическому устройству Греции другого периода будет анахронизмом и вариантом презентизма (поскольку это будет проекцией уже сложившегося представления автора и закрепленного в его языке описания на другие периоды греческой истории, относительно которых этот термин уже не является предметным, эмпирическим термином).

Еще один пример различения элементов языка описания мы видим в методологии Венского кружка (существовавшего в тот же межвоенный период), представители которого проводили различие между **эмпирическими и теоретическими терминами** [см. напр.: Крафт, 2003]. Предметные значения эмпирических терминов могут непосредственно наблюдаться, и на эти значения может быть осуществлено непосредственное указание (эмпирические термины могут быть «остенсивно определены»). Предложения, содержащие только эмпирические термины и логические связки, называются эмпирическими. Например, эмпирическими будут утверждения вида: в такое-то время, в таком-то месте, такая-то стрелка, такого-то прибора отклонилась с такой-то отметки до такой-то отметки. А утверждение вида: в такое-то время, в таком-то месте было зарегистрировано прохождение такой-то элементарной частицы, уже не будет эмпирическим, поскольку ни одна элементарная частица не является непосредственно наблюдаемой и, соответственно, термин «элементарная частица» является теоретическим. Применительно к проблеме, затронутой в первом разделе, эмпирическим будет утверждение вида: в такой-то рукописи, хранимой там-то и там-то, в таком-то месте написано то-то и то-то. А утверждение, что Исократ в 393 г. до н. э. в Афинах основал школу, в которой преподавал философию, не будет эмпирическим, поскольку это событие не является наблюдаемым.

Из различения эмпирических и теоретических терминов и предложений я хочу зафиксировать (вслед за Венским кружком) следующий вывод: *объекты, события, явления и т. п., зафиксированные эмпирическими предложениями, могут быть критериями существования некоторого объекта (явления, события), фиксируемого теоретическим термином, но никогда не доказывают этого существования.*

Понятно, что теоретические термины могут быть разного уровня. Более того, применительно к исследованию иной (иновременной) культуры необходимо различать эмпирические и теоретические термины предметной культуры и эмпирические и теоретические термины языка описания. Например, афинянин III в. до н. э. мог встретить философа, а философию не мог, поскольку ее нельзя воспринимать в принципе.

Тем не менее, термины (понятия, образы, нарративы и т.п.) самоописания исследуемой культуры имеют особое значение, в силу которого они важнее теоретических терминов (понятий, образов, нарративов) языка описания. Это термины могут участвовать в реконструкции описываемой культуры и после проверки на существование, хронологической, территориальной и т. п. привязки могут быть включены в язык описания вместе с эмпирическими терминами в качестве того «эмпирического» слоя, который в метаязыке Тарского составляют знаки для обозначения знаков объектного языка.

В заключение параграфа нужно сделать несколько замечаний. Термин «язык» и в случае «языка описания», и в случае «языка предметной культуры» я использую традиционно свободным образом для обозначения совокупности знаковых и концептуальных средств. В случае «языка описания» это, в первую очередь, концептуально-терминологический аппарат исследователя, используемый им для описания соответствующей культуры. Остальная часть естественного языка исследователя включается в «язык описания» лишь по мере необходимости. Кроме того, «язык описания» включает схемы, концепции, специальные знаки и иные используемые в описании средства. Под «языком предметной культуры» я также подразумеваю не обязательно язык или языки изучаемой культуры целиком (их элементы включаются по мере необходимости). Это необходимая лексика и фразеология (особенно терминологическая), концепты, символы, образы, поясняющие нарративы, сюжеты и т. п. В пифагорейской гипотезе и пифагорейской легенде это сами термины «φιλοσοφία» и «φιλόσοφος», связываемые с этими словами концепты философии и философа, рассказываемые истории (нарративы) об изобретении Пифагором философии и их сюжеты.

Во-вторых, хочу заметить, что корректное исследование иной (иновременной) культуры – дело «рекурсивное» (некоторые называют это кругом или спиралью), подразумевающее постоянные переходы между несколькими фазами исследования и описания. Переход (1) от эмпирических данных (терминов, утверждений) исследователя к языку самоописания исследуемой культуры, (2) от критики терминов самоописания предметной культуры к выработке исследователем предметно (эмпирически) ориентированной терминологии описания, (3) от теоретических и предметно ориентированных терминов языка описания назад к их проверке и соотнесению с эмпирическими данными и терминами самоописания предметной культуры.

5. Возникновение философии как предмет инокультурного и иновременного описания и анализа

Теперь можно вернуться к проблеме возникновения философии, поставленной в первом параграфе статьи, и проанализировать ее с точки зрения описанной методологии. Имеющиеся в распоряжении современных исследователей эмпирические данные – утверждения в дошедших до нас рукописях об обстоятельствах возникновения философии – следующие:

- 1) варварская версия Диогена Лаэртского (DL, I, 1);
- 2) египетская версия Исократа (Бусирис, 28) – 14 (Пифагор) Fr. 4 DK, [Фрагменты ранних греческих философов ..., 1989, с. 140];
- 3) ионийская гипотеза в версии Диогена Лаэртского (DL, I, 13);
- 4) итальянская гипотеза в версии пифагорейской легенды (многие авторы, в т.ч.: DL, I, 12; DL, VIII, 8; Диодор Сицилийский, Историческая библиотека, X, 10, 1);
- 5) сократическая версия диалогов Платона, приписывающая Сократу использование слова «философия» и придание ему различных специальных смыслов;
- 6) платоновская версия, фиксирующая использование Платоном слов «философия» и «философ», и придание им различных специальных смыслов;
- 7) исократовская версия, фиксирующая использование Исократом слова «философия» и «философ», и придание им различных специальных смыслов.

Еще раз отмечу, что эмпирическими фактами являются лишь (1) наличие в соответствующих рукописях (или их критических публикациях) соответствующих сообщений (варианты 1–5) или (2) наличие в рукописях (или их критических публикациях) соответствующих словоупотреблений (варианты 6–7). Разница между этими эмпирическими фактами состоит в том, что сообщение, извлеченное из текстологического факта, само нуждается в проверке, а использование в тексте некоторого слова является эмпирическим фактом само по себе. Как видим, если всем сообщениям, извлеченным из текстологических эмпирических фактов, придать статус документального сообщения, то получится рассогласованная картина античной культуры.

Зато данные, лежащие в основе платоновской и исократовской версий (точнее, единой исократо-платоновской версии), как факты словоупотребления сами относятся, с одной стороны, к эмпирическим данным исследователя, с другой стороны, к фактам самоописания греческой культуры. Соответственно, именно эта версия (версии) является приоритетной.

Если мы обратимся к терминам самоописания греческой культуры самим по себе, в интересующем нас аспекте это слова основы «φιλόσοφ-», то от доплатоновского времени (точнее, времени до IV в. до н. э.) до нас дошли только три текста, использующие эту основу: дважды это глагол и один раз прилагательное (Геродот, История, I, 30 2; Фукидид, История Пелопонесской войны, II, 40, 1; Горгий, Похвала Елене, 13 [ссылки даются по: Геродот, 2007; Фукидид, 1887; Горгий, 2022]). Это косвенно также подтверждает исократо-платоновскую версию. Кроме того, в случае глаголов у Геродота и Фукидида нет оснований приписывать им какое-либо иное, нетривиальное лексическое значение, чем они получают на основании словообразовательного конструирования. В случае Фукидида это даже формально невозможно, в силу использования автором тропа параллелизма внутренней структуры соположенных слов «φιλοκαλοῦμέν ... καὶ φιλοσοφοῦμεν ...»³ [Θουκυδίδης, 2012], который разрушается при не буквально-словообразовательном понимании этих слов. Это также является косвенным аргументом в поддержку данной версии.

Только прилагательное «φιλόσοφος», используемое Горгием в выражении «φιλοσόφων λόγων ἀμίλλας» [Горгий, 2022, с. 29], маркирует одну из трех групп текстов, в которых существующее выдается за несуществующее, а несуществующее за существующее. В этом

³ Θουκυδίδης. (2012). Ἱστορίαι. [Online]. *Αρχαία Ελληνική Γλώσσα και Γραμματεία*. Available at: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/library/browse.html?text_id=73&page=59 (Accessed: 16 November 2024).

случае прилагательное «φιλόσοφος» может указывать на отношение данных текстов или споров к процессу обучения красноречию. Это хорошо коррелирует с «риторическим» пониманием философии Исократом, учеником Горгия, и наталкивает на гипотезу, что слово «философ» (создаваемое простой субстанциализацией прилагательного «φιλόσοφος», получаемой добавлением к нему артикля «ὁ»), а возможно, и «философия» впервые стали использоваться в среде учеников Горгия и указывали на занятие практикой красноречия.

Есть еще одно позднее свидетельство, которому многие авторитетные антиковеды вполне доверяют. Это так называемый фрагмент DK 35 Гераклита Эфесского [по: Diels, Kranz, 1951-1952], извлеченный из «Стромат» Клементы Александрийского (V, 140, 5). Речь в нем идет о «φιλοσόφους ἄνδρας» [Гераклит] – мудролюбивых мужах (или людях). В переводе контекст этого фрагмента такой: «[Эмпедокл] великолепно выразил ту мысль, что знание и невежество составляют условия счастья, ибо чрезвычайно “многого знатоками должны быть любомудрые мужи” по Гераклиту и воистину необходимо [по Фокилиду (вставка моя – Т. Ш.)] “много скитаться тому, кто стать добронравным взыскует”» [Фрагменты ранних греческих философов ..., 1989, с. 191, фр. 7(а)]. На мой взгляд, здесь имеется явная корреляция смыслов прилагательного «φιλόσοφος» с глаголом «φιλοσοφῶν» в «Истории» Геродота (I, 30 2), где Крѣз в беседе с Солоном говорит: «Мы много уже слышаны о твоей мудрости и странствованиях, именно, что ты из любви к мудрости и чтобы повидать свет объездил много стран» [Геродот, 2007, с. 15] («παρ' ἡμέας γὰρ περὶ σέο λόγος ἀπῖκται πολλὸς καὶ σοφίης εἵνεκεν τῆς σῆς καὶ πλάνης, ὥς φιλοσοφῶν γῆν πολλὴν θεωρίης εἵνεκεν ἐπελήλυθας»⁴). В обоих случаях речь идет о мужах, обладающих σόφος, состоящей в знании людей и света, полученном в ходе путешествий и наблюдений над жизнью людей. Это в принципе не противоречит словообразовательному смыслу основы «φιλόσοφ-» [Адо, 1999, с. 31-38].

Для разбора пифагорейской легенды и зависящей от нее пифагорейской гипотезы здесь уже нет места. Отмечу, что я считаю «пифагорейскую легенду» именно легендой, а излагаемые в ней сведения – не достоверными. Желающие могут обратиться к статье В. Буркерта [Буркерт, 2017], в которой он обосновывает, что все истории об изобретении философии зависимы от свидетельства Гераклида Понтийского («О бездыханной») или среды Академии при Платоне. Ранее с утверждением, что пифагорейская легенда возникла в результате переноса на Пифагора сократо-платоновских представлений о философии, выступал Дильтей [Дильтей, 2001, с. 23]. К мнению Буркерта присоединяется П. Адо [Адо, 1999, с. 30, прим. 1]. Более подробный анализ пифагорейской легенды и дополнительную критическую аргументацию против нее можно найти в [Шиян, 2024].

На фоне разобранных свидетельств и языковых фактов появляется еще сократическая версия возникновения философии, основанная на фактографической интерпретации содержания платоновских диалогов. Правда, фактографическая интерпретация противоречит наличию в произведениях Платона исторически невозможных высказываний. С другой стороны, подтверждением этой версии могут служить сократические произведения Ксенофонта, который несколько раз использует интересующую нас лексику. Но они писались после начала публичной литературной деятельности Платона и некоторые из них напрямую оппонируют одноименным произведениям Платона (см., например, сократовские

⁴ Ἡρόδοτος. (2012). *Ἱστορίαι*. [Online]. *Αρχαία Ελληνική Γλώσσα και Γραμματεία*. Available at: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/library/browse.html?page=5&text_id=30 (Accessed: 16 November 2024).

апологии обоих авторов). Кроме того, в произведениях Платона и Ксенофонта нигде не приписывается Сократу изобретение философии. Значит, Сократ должен был бы у кого-то позаимствовать это словоупотребление. Но это не подтверждается лексически, как было показано выше. Таким образом, наиболее вероятной является платоновская (исократоплатоновская) версия возникновения философии.

Список литературы / References

Адо, П. (1999). *Что такое античная философия?* М.
Ado P. (1999). *What Is the Ancient Philosophy?* Moscow.

Берестов, И. В. (2021). *Аргументация Парменида против множественности сущего в свете древнегреческих и современных концептуализаций*. Дис. ... д-ра филос. наук (на правах рукописи). Новосибирск. 409 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/e9c6f44b-4ac2-4911-bbbd-b0478a40a743> (дата обращения: 01.10.2025).

Berestov, I. V. (2021). *Parmenides' Argumentation against the Plurality of Beings in the Light of Ancient Greek and Modern Conceptualizations*. Doctor's thesis. Novosibirsk. 409 p. [Online]. Available at: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/e9c6f44b-4ac2-4911-bbbd-b0478a40a743> (Accessed: 01 October 2025). (In Russ.)

Буркерт, В. (2017). Платон или Пифагор? О происхождении слова «философия». *Философская мысль*. № 3. С. 36-51. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.3.22028.

Burkert, V. (2017). Plato or Pythagoras? On the Origin of the Word "Philosophy". *Philosophical Thought*. No. 3. Pp. 36-51. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.3.22028. (In Russ.)

Вольф, М. Н. (2017). Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста. *Сибирский философский журнал*. Т. 15. № 2. С. 237-257. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-3-237-257.

Volf, M N. (2017). Contemporary Debates about the History of Philosophy: The Tug-of-War Between Text and Context. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 15. No 2. Pp. 237-257. DOI: 10.25205/2541-7517-2017-15-3-237-257. (In Russ.)

Вольф, М. Н., Косарев, А. В. (2016). Неософистическая риторика в свете историко-философской методологии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. Вып. 4(36). С. 225-233. DOI: 10.17223/1998863X/36/23.

Volf, M. N., Kosarev, A. V. (2016). Neo-Sophistic Rhetoric in View of the Methodology of the History of Philosophy. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. Iss. 4 (36). Pp. 225-233. DOI: 10.17223/1998863X/36/23. (In Russ.)

Геродот. (2007). *История*. М.
Herodotus. (2007). *History*. Moscow. (In Russ.)

Горгий. (2022). Похвала Елене. Учебный комментарий. [Электронный ресурс]. *Antibarbari: Греко-латинский клуб ВШЭ*. URL: http://antibarbari.ru/2022/02/16/gorgias_helen (дата доступа 16.11.2024).

Gorgias. (2022). *In Praise of Helen*. Study Commentary. [Online]. *Antibarbari: Greco-Latin Club of the Higher School of Economics*. Available at: http://antibarbari.ru/2022/02/16/gorgias_helen (Accessed: 15 November 2024). (In Russ.)

Дильтей, В. (2001). *Сущность философии*. М.: Интрада.

Dilthey, W. (2001). *The Essence of Philosophy*. Moscow. (In Russ.)

Диоген Лаэртский. (1986). *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* (= DL). М.

Diogenes Laërtius. (1986). *On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers* (= DL). Moscow. (In Russ.)

Исократ. (2013). Бусирис. *Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы*. Ред. Э. Д. Фролов. М.: Ладомир. С. 214-224.

Isocrates. (2013). Busiris. In Frolov, E. D. (ed.). *Isocrates. Speeches. Letters; Minor Attic Orators*. Moscow. Pp. 214-224. (In Russ.)

Крафт, В. (2003). *Венский кружок. Возникновение неопозитивизма*. М.: Идея-Пресс.

Kraft, V. (2003). *The Vienna Circle. The Emergence of Neopositivism*. Moscow. (In Russ.)

Кузнецова, Н. И. (2009). Презентизм и антикваризм – две картины прошлого. *Arbor Mundi*. Вып. 15. С. 164-197.

Kuznetsova, N. I. (2009). Presentism and Antiquarism – Two Pictures of the Past. *Arbor Mundi*. Iss. 15. Pp. 164-197. (In Russ.)

Фролов, Э. Д., Никитюк, Е. В., Петров, А. В., Шарнина, А. Б. *Альтернативные социальные сообщества в античном мире*. (2002). Под ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

Frolov, E. D., Nikityuk, E. V., Petrov, A. V., Sharnina, A. B. (2002). *Alternative Social Communities in the Ancient World*. Frolov, E. D. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Уайтхед, А. Н., Рассел, Б. (2005-2006). *Основания математики*. В 3-х т. Под ред. Г. П. Ярового, Ю. Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет». Т. 1. 722 с.; Т. 2. 738 с.; Т. 3. 460 с. (Впервые опубли. на англ. яз. в 1910-1913).

Whitehead, A. N., Russell, B. (2005-2006). *Principia Mathematica*. In 3 vols. Yarovoy, G. P., Radaev, Yu. N. (eds.). Samara. Vol. 1. 722 p.; Vol. 2. 738 p.; Vol. 3. 460 p. (In Russ.)

Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теогоний до возникновения атомистики. (1989). Ред. и пер. А. В. Лебедев. М.

Lebedev, A. V. (1989). (ed. and transl.). *Fragments of Early Greek Philosophers. Part 1. From Epic Theogonies to the Emergence of Atomism*. Moscow. (In Russ.)

Фукидид. (1887). *История Пелопоннесской войны в восьми книгах*. В 2-х тт. Т. 1. Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко с его предисл., примеч. и указ. М.: А. Г. Кузнецов.

Thucydides. (1887-1888). *History of the Peloponnesian War in Eight Books*. In 2 vols. Mishchenko, F. G. (transl., preface, notes and index.) Moscow. (In Russ.)

Шичалин, Ю. А. (2000). *История античного платонизма в институциональном аспекте*. М.

Shichalin, Yu. A. (2000). *History of Ancient Platonism in the Institutional Aspect*. Moscow. (In Russ.)

Шиян, Т. А. (2018). О незамеченной логической операции «отнесение к роду» и ее месте в логике и методологии. [Электронный ресурс]. *Логико-философские штудии*. Т. 16. № 1-2. С. 198-199. URL: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/635> (дата обращения: 01.10.2025).

Shiyan, T. A. (2018). On the Unnoticed Logical Operation of “Attribution to Genus” and Its Place in Logic and Methodology. [Online]. *Logical and Philosophical Studies*. Vol. 16. No. 1-2. Pp. 198-199. Available at: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/635> (Accessed: 01 October 2025). (In Russ.)

Шиян, Т. А. (2024). К проблеме институционального формирования философии. *Южный полюс*. [Электронный ресурс]. *Исследования по современной западной философии*. № 12 (2). URL: <http://southpole.sfedu.ru> (дата обращения: 01.10.2025).

Shiyan, T. A. (2024). On the Problem of Institutional Formation of Philosophy. [Online]. *South Pole. Studies in Contemporary Western Philosophy*. No. 12 (2). Available at: <http://southpole.sfedu.ru> (Accessed: 01 October 2025). (In Russ.)

Ясперс, К. (1991). Истоки истории и ее цель. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат. С. 27-286.

Jaspers, K. (1991). The Origins of History and Its Purpose. In *Jaspers K. The Meaning and Purpose of History*. Moscow. Pp. 27-286. (In Russ.)

Diels, H., Kranz, W. (Hrsg.). (1951-1952). *Die Fragmente der Vorsokratiker (= DK)*. Bd I-II. Die sechste Auflage. Hildesheim. Weidmannsche Verlagsbuchhandlung.

Lasulx, E. (1952). *Neuer Versuch einer alten Philosophie der Geschichte*. Wien.

Weber, A. (1935). *Kulturgeschichte als Kultursoziologie*. Leiden.

Сведения об авторе / Information about the author

Шиян Тарас Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Фонда «Центр гуманитарных исследований», г. Москва, ул. Часовая, 9, e-mail: taras_a_shiyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1399-7156>.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Shiyan Taras – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow of “The Center for Humanitarian Research” Foundation, Moscow, Chasovaya St., 9, e-mail: taras_a_shiyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1399-7156>.

The paper was submitted: 09.02.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025